

ЦЕННОСТЬ ОТНОШЕНИЙ В МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ: НА ПРИМЕРЕ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ*

В статье рассматриваются социальные механизмы становления и развития отношений в межэтническом взаимодействии, раскрывается их преломление через систему ценностей и норм, выделяются ценностно-содержательные стороны межэтнических отношений. Методология исследования состоит в применении социокультурного и конфликтологического подходов, принципов историзма и сравнения, эмпирический анализ проводился с использованием количественных и качественных методов. За состоянием и изменениями межэтнических отношений велись наблюдения с 1991 г., в анкеты массовых и экспертных опросов включались блоки вопросов, предусматривающих выявление уровня отношений и ценностных предпочтений, межэтнические процессы осмысливались через ценностную дихотомию «сотрудничество-конфронтация», «согласие-конфликт». Гипотеза исследования предполагала зависимость межэтнических отношений от социально-политической обстановки, историко-культурного опыта сосуществования этнических групп, социально-демографических факторов и государственной национальной политики. Межэтнические отношения рассматриваются в историческом и современном контекстах, выделены и охарактеризованы три периода, дается развернутый анализ межэтнических отношений в предконфликтной ситуации, выявляется уровень социальной и культурной интегрированности региональной общности. В исследовании анализируются ценностные установки и мотивация социального поведения этнических групп в условиях социально-политического кризиса, различия в ценностном восприятии ситуации объясняются разными социальными ожиданиями и опасениями. На основе разносторонней социологической информации делается вывод об относительной самостоятельности ценностных взглядов и отношений межэтнического взаимодействия, во многом этим обусловлено сохранение межэтнического сотрудничества во время регионального конфликта, ориентация на объединяющие ценности. В заключении сформулирован вывод о ценностном содержании и сущности отношений в межэтническом взаимодействии.

* Статья подготовлена по материалам исследования при финансовой поддержке РГНФ, проект №09-03-00750а.

Юсупов Муса Мовлиевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы Чеченского государственного университета (musa_y17@hotmail.com)

Musa Yusupov — Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of the Theory and History of Social Work, Chechen State University (musa_y17@hotmail.com)

Ключевые слова: *ценности, отношения, структура, сотрудничество, конфронтация, конфликт, этническая группа.*

Введение

Современные интенсивные жизненные процессы, периодические кризисы, подъемы и спады в развитии экономики стимулируют миграционную активность населения, города и другие населенные пункты становятся все более полиэтничными. Этнические группы, индивиды на разных уровнях социального пространства вступают в контакты. Они могут быть разовыми, эпизодическими или регулярными, повторяющимися. Эти контакты образуют взаимодействие и являются формой общения, обуславливают взаимовлияние культур в обществе. Межэтнические отношения складываются и развиваются на межличностном и институциональном уровнях и органически вплетены в социокультурную систему страны.

Обзор литературы

Взаимодействие признается в социологии «клеточкой» общества (Зиммель 2006), образует его единство. В процессе взаимодействия индивидов, групп возникают социальные связи (Дюркгейм 1991). В свою очередь, непрерывные и повторяющиеся, устойчивые связи между индивидами, группами способствуют становлению социальных отношений. Социальное взаимодействие является взаимным обменом коллективным опытом, знаниями, понятиями, в результате чего возникает культура (Сорокин 2006). Обладая своей собственной структурой, она не зависит от ситуативных предпочтений субъекта социального действия и не может быть редуцирована полностью к социальным отношениям (Парсонс 2000), что обуславливает своеобразие, специфику и этнические, межэтнические отношения. Этнос является формой, способом социальной и культурной самоорганизации, поэтому социальные связи и отношения между субъектами взаимодействия имеют этнический аспект, равно как и этнические отношения — социальный аспект (Арутюнян, Дробижева, Сусоколов 1998). Таким образом, сложившиеся в классической социологии подходы к пониманию природы социальных связей и отношений применимы и к изучению отношений в межэтническом взаимодействии.

В западной социологии и социальной психологии сложилось три основных подхода рассмотрения проблемы этничности и обсуждения понимания этнического феномена: примордиализм, инструментализм и конструктивизм (Сикевич 2011). Когнитивный потенциал исследования межэтнического взаимодействия содержат теории рационального выбора (Downs 1957) и ресурсной конкуренции (Cohen 1985). В современной западной литературе уделяется внимание изучению социальной и культурной дистанции, этнических границ (Barth 1969), социальной сущности нации и видов национализма (Гелнер 1991; Смит 2004; Coakley 2012).

В российской научной литературе с 1990-х гг. активно исследуются различные аспекты межнациональных отношений, этнического и общероссийского самосознания, неравенства этнических групп (Дробижева 2003), формирования гражданской нации, этнокультурного поведения в условиях вооруженного

конфликта (Тишков 2001; 2008), ряд работ посвящен изучению типологии этнических конфликтов (Авксентьев 1996).

В центральных и региональных научных учреждениях выполняются проекты по изучению этнокультурных ценностей. Однако недостает публикаций, рассматривающих ценность самих отношений в межэтническом взаимодействии. В данной статье предпринята попытка рассмотреть динамику развития межэтнических отношений в региональной предконфликтной и постконфликтной ситуации, раскрыть ценностные аспекты отношений в межэтническом взаимодействии.

Гипотеза и методы исследования

В исследованиях применялись социокультурный и конфликтологический подходы, использовались методы количественного анализа статистических, социологических показателей, качественной характеристики межэтнических отношений на основе длительных наблюдений, бесед и интервью с представителями разных этнических групп. На протяжении ряда лет, с 1991 г., в анкеты массовых и экспертных опросов включались блоки вопросов о состоянии межнациональных отношений, ценностных предпочтениях, уровне жизни. Массовые социологические опросы проводились по квотной репрезентативной выборке в форме индивидуального интервью по месту жительства. Динамика межэтнических отношений рассматривалась через ценностную дихотомию «сотрудничество-конфронтация», «согласие-конфликт», «безопасность-опасность».

Основная гипотеза предполагала зависимость межэтнических (межнациональных) отношений от устойчивости / неустойчивости, стабильности / нестабильности социально-экономического состояния республики, исторического и социокультурного опыта сосуществования этнических групп, а также от этнической стратификации, демографических и образовательных факторов, государственной национальной политики.

Результаты исследования

Социальные и культурные отношения в межэтническом взаимодействии преломляются через систему ценностей и норм, как бы наполняются содержанием системных и повседневных ценностных миров групп и индивидов. Эти отношения формируются посредством индивидуального и группового взаимодействия в сферах экономики, политики, культуры, а также в территориально-поселенческих средах. Результаты исследования показывают, что ценностно-содержательной стороной межэтнических отношений выступает сотрудничество и конфронтация. Сотрудничество предполагает соучастие в профессионально-трудовой деятельности, общественно-политической жизни, а также посредством членства в партийных, спортивных организациях, различных объединениях по интересам. Оно может проявляться в организации и проведении досуга и в разных формах жизнедеятельности по месту жительства. Участникам сотрудничества присущи такие социально-этические свойства, как солидарность, сплоченность, взаимопомощь, дружба, а в отдельных случаях сродненность. В процессе сотрудничества не исключается, а напротив, наблюдается межэтническое и внутриэтническое соперничество, состязательность в достижении

успеха в каком-то деле. Конфронтация же представляет собой столкновение интересов, ценностей групп и индивидов в той или иной сфере жизни. Сотрудничество и конфронтацию можно представить как постоянно сменяющие друг друга с определенной периодичностью, особенно в условиях кризиса, состояния социальных и межэтнических отношений. Однако в действительности редко происходит «абсолютное» замещение одного другим, разве что это может произойти в межгосударственных войнах, и то на период военных действий. Есть в жизни важные исторические, социальные и культурные факторы, которые действуют как объединяющие силы (Veltri 2014).

В развитии межэтнических отношений в республике за последние 70 лет можно условно выделить три периода. Первый охватывает конец 1950-х — начало 1970-х гг., второй 1970-е — 1980-е гг., третий — 1990-е — 2000-е гг.

Отличительная особенность первого периода состоит в том, что Указом Верховного Совета РСФСР от 9 января 1957 г. была восстановлена Чечено-Ингушская ССР (ЧИАССР). Однако воссоздание социальных и культурных связей, отношений в межэтническом взаимодействии проходило сложно, противоречиво, с трудностями согласования потребностей и возможностей, интересов и ценностей. Некоторые представители русского населения, особенно управленческой среды, воспринимали возвращение с депортации чеченцев и ингушей как фактор ограничения собственного жизненного и административно-политического пространства, смотрели на них сквозь призму идеологии «вины» и «неблагонадежности народа». При этом отдельные должностные лица проявляли желание усилить и укрепить такую стигматизацию репрессированного народа. Этим были спровоцированы в 1958 г. протестные волнения грозненских горожан с предложениями вернуть в места депортации чеченцев и ингушей. Однако центральная власть жестко пресекла эти настроения, была произведена смена кадров в руководстве республики. В свою очередь, пережившие депортацию нередко выстраивали стратегию общения с представителями органов управления или случайными «оппонентами» с позиции своей «жертвенности», испытанной «исторической несправедливости».

Нужно отметить, что в известной мере такие настроения породило отсутствие порядка в обустройстве возвращающихся людей. Организовать данную работу так, как планировалось, поэтапно, протяженно во времени, не смогли, поскольку очень сильным оказалось желание людей вернуться «моментально», как и были выселены народы 23 февраля 1944 г. Многие возвращались стихийно, за свой счет, в товарных вагонах, правда, в летние месяцы и с провизией. Но проблема была в том, что в городах и селах все подворья были заняты переселенцами из других регионов, и их возвращение на прежние места жительства создавало большие трудности. Это привело к тому, что во многих сельских населенных пунктах в течение года под одной крышей жили вернувшиеся хозяева дома и ранее переселенные на эту территорию жители других республик, краев и областей. В Грозном же вообще не рассматривался вопрос о заселении людей, вернувшихся в свои квартиры и дома, им были выделены на окраинах столицы земельные участки на строительство домов, причем в основном на свои средства. Невозможность в городах заселиться в свои дома и квартиры, необходимость заново строиться, всевозможные барьеры в трудоустройстве, прописке

в Грозном выходцев из села, — все это не могло не вызывать эмоционального накала в общественной жизни. В житейском общении, сфере досуга иногда происходили точечные ситуативные конфликты, чаще среди молодежи.

Однако все это во многом было внешнее, проходящее и не могло перечеркнуть глубоких социокультурных связей, исторический опыт совместного существования народов. Процесс социального и межэтнического взаимодействия протекал путем преодоления идеологических предубеждений, восстановления былых личных связей и отношений старожил, взаимной адаптации и складывания отношений сотрудничества и согласия. Подрастающее новое поколение молодежи русского и чеченского населения было почти лишено идеологических комплексов в повседневном общении, испытывало потребность строить доверительные отношения в профессионально-трудовой сфере и по месту жительства. Итак, при всех сложностях и проблемах в 1950-70-х гг. закладываются основы социальной и культурной интеграции республиканской полиэтничной общности.

Во второй половине 1970-х и в 1980-е гг. наблюдалось полнокровное межэтническое сотрудничество, установилось много крепких личных связей по принадлежности трудовому коллективу, партийным ячейкам, комсомольским организациям, спортивным сообществам, общественным объединениям по интересам, а также по линии соседских отношений в местах проживания. Вместе с тем республиканское сообщество не было социально однородным, в нем этнические группы различались по образованию, удельному весу инженерных кадров, ученых, квалифицированных рабочих. В советском обществе также имели место явления, когда такие социальные ресурсы, как богатство, престиж, власть, распределялись в зависимости от этнической принадлежности (Смелзер 1998; Салгириев 2012). Это было сопряжено с тем, что сложная система этнических статусов, обусловленная этнической принадлежностью, а также местом проживания, расширяет социальную дистанцию между представителями разных народов, провоцирует усиление этнической конфликтности (Сикевич 2011; Бетельмерзаева 2015).

Этническая структура населения республики, по итогам Всесоюзной переписи 1989 г., демонстрировала следующее соотношение этнических групп: чеченцы — 64,9 %, русские — 24,7 %, другие национальности — 10,4 % (Данные приводятся в пересчете по административным районам Чечено-Ингушетии, вошедшим в ЧР). Согласно итогам Всероссийской переписи 2010 г., в республике чеченцев — 95,3 %, русских — 1,9 %, представителей других национальностей — 2,8 %. Такие разительные перемены в этническом составе произошли под влиянием ряда факторов, прежде всего связанных с социально-политическим кризисом, конфликтом, войной. Здесь уместно прояснить состояние межэтнических отношений в предкризисное время. Чеченское население преимущественно проживало в сельской местности, русское — в городах. В сфере труда складывалась этнически выраженная отраслевая занятость, в промышленности и нефтекомплексе работали в основном русские, в сельском хозяйстве, строительных организациях — чеченцы. Такая отраслевая «специализация» возникла по объективным причинам и имела в среднесрочной и долгосрочной перспективе тенденцию выравнивания пропорций этнической

занятости в экономическом секторе. Например, в результате суженного демографического воспроизводства, ухода пожилых русских на заслуженный отдых в стройиндустрии, торговле, на транспорте, освобождающиеся рабочие места постепенно занимали представители чеченской национальности, а подрастающая образованная, квалифицированная русская молодежь предпочитала идти на работу на создаваемые новые предприятия приборостроения, в научно-производственные объединения. На этих и других современных предприятиях чеченцев было мало, но их количество росло: так, в 1980-е гг. чеченцы составляли в нефтедобыче не менее 30 %.

С точки зрения состояния межэтнических отношений, главная особенность состояла в том, что межэтническая конкуренция на рынке труда была незначительной, она в какой-то степени наблюдалась в административно-политической сфере, т. е. в управлении. Основная конкуренция, соперничество за рабочие места, карьерное продвижение происходили на внутриэтническом поле, в «своих» отраслевых нишах, и это одна из причин того, что в момент кризиса конфликтное событие в регионе не сопровождалось межэтническим противостоянием. Характерно, что и в сфере культуры наблюдалась самодостаточность этнических групп, но имелись предубеждения во взаимных оценках. Русские, например, считали себя более продвинутыми в культурном отношении по сравнению с «коренным» населением, скорее имея в виду занятость квалифицированным трудом, а также долю лиц с высшим образованием. Чеченцы же культурность определяли по другим критериям, в первую очередь по признакам соблюдения обычаев и традиций, этической культуры и поэтому воспринимали себя более культурными, чем русские. Эти противоположные самооценки выявлялись в ходе социологических опросов и не имели публичных проявлений в повседневном общении (Социологическое исследование «Интересы разнонациональных групп занятого населения», объем квотной репрезентативной выборки 1575 чел., Грозный, 1991). Напротив, в межэтническом общении соприкасались разные жизненные миры, не всегда совпадающие с официальным системным миром. В такой жизненной среде люди разных национальностей относились друг к другу с уважением, соучастием. Так, в советском прошлом идеология атеизма не предполагала содействия верующим в отпращивании религиозных обрядов. Однако негласно, рискуя быть наказанными, русские бригадиры, начальники цехов разрешали чеченцам не выйти на работу в день уразы, а в табелях отмечали их как присутствующих. В свою очередь, чеченцы, несмотря на предупреждения и угрозы со стороны начальства, в день Пасхи выводили негласно с автопарков автобусы, легковые машины, чтобы знакомых и сослуживцев — приверженцев православной веры — доставить на кладбище, в другие памятные места. Подобные факты нередко выявлялись органами власти, виновные наказывались, объявлялись выговоры или работников даже увольняли, но эта жизненная солидарность, как и во многих других случаях, сохранялась до изменения социального строя и идеологии страны.

С началом перестройки и зарождением общественных движений в стране в республике формируются общественные объединения и этнокультурные центры. О заинтересованности этнических групп в сохранении межэтнического мира и согласия говорит то, что в условиях обострения языковых и этно-

культурных проблем в стране и регионах представители «русскоязычного» населения делали коллективные обращения в органы власти с предложением организовать в домах культуры и клубах предприятий курсы изучения чеченского языка. В некоторых из них слушатели составляли 50-100 и более человек. «Русскоязычные» родители по своей инициативе организовывали собрания, на которых принимали резолюции о введении изучения чеченского языка «русскоязычными» учащимися с первого класса. Все эти шаги опережали возможные лозунговые требования местных общественных и национальных движений, активность которых была направлена прежде всего на решение социальных и политических проблем.

В целом 1970-1980-е гг. были благоприятными, способствовали экономическому и образовательному росту, развитию этнических культур и формированию региональной «субкультуры», выработке общих правил культуры межэтнического общения.

Третий период охватывает 1990-2000-е гг., полные драматизма, трагедии и знаменующие послевоенное возрождение республики. На рубеже 1990-х — 2000-х гг. возникает социальная напряженность, обостряются противоречия между властью и значительной частью чеченского населения. Основными причинами социального недовольства были низкий уровень жизни и высокая безработица в сельской местности, которая составляла не менее 25 %. Возникшая ситуация показала, что социальное самочувствие людей во многом зависит от качественных характеристик повседневной жизни (Зарубина 2014), определяющих социальное настроение, установки и поиск путей изменения жизни в лучшую сторону.

Катализаторами социальной активности выступали идеологические факторы, актуализировался негативный исторический опыт. У участников общественных движений вызвали возмущение существовавшие официальные запреты на объективное освещение Кавказской войны, депортации 1944 г., выражалась потребность в кристаллизации из общегосударственного контекста чеченской национальной идентичности. Как отмечают и другие авторы, коллективное воспоминание о событиях прошлого актуально и востребовано только тогда, когда оно вписывается в современную структуру групповых интересов и удовлетворяет потребности, возникающие «здесь и сейчас» (Ачкасов 2013). Причем воспоминания об исторических событиях, таких как войны и революции, играют важную роль в строительстве национальной идентичности (Sato 2014; Алаудинов 2014).

Как видим, обозначенное противоречие власти и населения выступало на первоначальном этапе как внутричеченское социально-политическое противостояние. В нем одна сторона олицетворяла партийно-советскую власть, выражала желание сохранить автономную республику в составе РФ. Другая сторона стремилась к власти, переменам с ориентацией на самостоятельность от широкой автономии в форме особого статуса до независимости. В этих условиях русские и другие национальности сочли неоправданным вступать в назревающий конфликт на той или другой стороне. При этом делалось предположение, что такое участие может при стечении неожиданных обстоятельств вылиться в межэтнический конфликт.

Таким образом, на рубеже 1990-х гг. в социальном отношении приоритетными в межэтническом взаимодействии были интересы безопасности, недопущение поводов для возникновения социального беспорядка на межэтнической почве. В морально-этическом отношении дороже возможных «выгод» конфликтного противостояния, межэтнического неприятия и вражды оказались добрососедство, терпимость, дружелюбие, взаимопомощь. В гуманитарном отношении осознавалась нецелесообразность разрыва историко-культурных связей, обеспечения преемственности в линии межпоколенческого сотрудничества этнических групп. В деятельном отношении русское население ощущало безысходность, неспособность предотвратить надвигающуюся социальную дестабилизацию, а чеченское, напротив, надеялось на позитивные перемены.

В складывающейся обстановке миграционные настроения «русскоязычных» перерастают в миграционное поведение, по существу происходит массовое бегство от приближающейся войны. Тем не менее, примерно треть русского населения не уехала и была готова связывать свою жизнь и дальше с республикой, пережила вместе со всеми социальные тяготы, всплеск преступности, в условиях разрыва производственно-экономических связей, частичной транспортной блокады, отсутствия пенсий и пособий. Однако две войны (1994-1996, 1999-2002) способствовали почти полному исходу русских и представителей других национальностей из Чеченской Республики.

Все современные конфликты на Балканах, Ближнем Востоке, постсоветском пространстве сопровождались межэтнической враждой, вооруженным столкновением этнических групп гражданского населения. В рассматриваемом регионе нет таких фактов, но в то же время было бы неверно упрощать и идеализировать межэтническую и вообще конфликтную ситуацию и тем самым умалять сохранение невероятными человеческими усилиями ценности межэтнического мира и согласия. Этническим группам, в частности, чеченцам, русским, другим национальностям, было характерно разное восприятие критической социальной обстановки, различие в политических взглядах и предпочтениях, социальных ожиданиях и надеждах. Об этом свидетельствует ретроспективный взгляд респондентов на события 1991 г., смену партийно-советской власти и провозглашение суверенитета Чеченской Республики. К этому положительно, с чувствами надежды отнеслись чеченцы — 42,7 %, русские — 3,1 %, другие национальности — 12,1 %. (Социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности», объем репрезентативной выборки 1060 чел., Центр социально-стратегических исследований (ЦССИ), ЧР, 2003). Между тем ксенофобия по отношению к иным общностям, группам людей, их культуре и ценностям — существенный элемент идеологии и политики разного рода персонажей обществ переходного периода (Тошенко 2014, 2015; Шамсуев 2012). В данном случае носители таких идеологий извне и изнутри Республики не смогли в тот критический момент внести враждебность в межэтническое сообщество и разобщить его.

Ценность межэтнических отношений тех лет в том и состоит, что люди разных национальностей смогли преодолеть имевшиеся различия ценностных установок, разграничить внутренний и повседневный мир, на интуитивном

уровне мотивирующий совместное обеспечение безопасности и социальное выживание в горниле кризиса, конфликта и войны.

Степень социальной и культурной зрелости, крепость отношений проверяется в экстремальной ситуации, конфликт, война взорвали территориальную жизнь, но уцелели внутриэтнические и межэтнические отношения взаимопомощи и сотрудничества. И поэтому при всех общих потерях и частных обидах не только на территории ЧР, но и за ее пределами выходцы, вынужденные мигранты разных национальностей из Чечни проявляли земляческую родственность, оказывали друг другу помощь в решении деловых и жизненных вопросов.

В состоянии военных действий между федеральными подразделениями и группами сопротивления сохраняются мирные контакты и отношения этнических групп. В то же время устойчивая и твердая нацеленность на межэтническое мирное сосуществование не дает оснований игнорировать эмоциональное состояние, меняющееся содержание межэтнических ценностных установок взаимовосприятия. В представлениях друг о друге в этнических группах повышается выраженность негативных стереотипов. В мирных условиях 1991 г. русские чаще отмечали, что чеченцам присущи уважительность к старшим, энергичность и другие позитивные черты, чеченцы же указывали на трудолюбие, доброту русских (Респонденты оценивали национальные качества. Социологическое исследование «Русские в республиках», ВЦИОМ, выборка по Чечено-Ингушетии 300 чел., 1991). Однако в условиях войны заметно возрастает приписывание друг другу жестокости. Другими словами, мирные межэтнические отношения как бы опосредуются военными условиями, а жестокость в военном кровопролитии переносится на восприятие субъектов межэтнического гражданского взаимодействия. В ходе социологического опроса отметили, что межнациональные отношения за последние 12 лет в ЧР улучшились: чеченцы — 1,3 %, русские — 4 %, другие национальности — 10 %, что ухудшились: соответственно 82,1 %, 61 % и 49 % (Социологическое исследование «Интересы, нормы, ценности», объем репрезентативной выборки 1060 чел., ЦССИ, ЧР, 2003).

В момент проведения исследования периодически происходили локальные боевые действия, шли так называемые зачистки населенных пунктов, которые, бесспорно, наполняли отрицательными эмоциями восприятие социальной реальности, влияли на оценку состояния межнациональных отношений. Вместе с тем обращает на себе внимание, что враждебными назвали их лишь 3,3 % опрошенных чеченцев и 2 % русских (табл. 1).

Интересно, что среди чеченцев, имеющих превосходное и хорошее настроение, значительно больше опрошенных считают межнациональные отношения добрососедскими и нормальными, и наоборот, те, кто имеет плохое настроение и испытывает полное отчаяние, называют их напряженными и враждебными. Добрососедскими и нормальными считают их и лица со средним и высоким уровнем жизни, а с низким уровнем, напротив, характеризуют их как напряженные. Такая тенденция просматривается и в ответах русских, и представителей других национальностей. (Настроение респондентов измерялось выявлением субъективных установок с использованием порядковой (ранговой)

Оценка состояния межнациональных отношений в ЧР (%), 2003

	Чеченцы	Русские	Другие национальности
Добрососедские	18,7	5	12
Нормальные	34,6	23	34
Напряженные	28	52	25
Враждебные	3,3	2	8
Трудно сказать определенно	15,5	18	21

шкалы. Социологический опрос «Интересы, нормы, ценности», ЦССИ, ЧР, 2003).

Что касается перспективы изменений межнациональных отношений в ближайшие годы, спрогнозировать возможные изменения затруднились около половины опрошенных (табл. 2). Здесь уместно привести комментарии респондентов к своим ответам, характеризующие состояние и перспективу улучшения межэтнических и социальных отношений.

Чеченцы: «Война ухудшила отношения между национальностями, особенно русскими»; «все, что пережил народ за эти годы, скоро не забудется»; «после ухудшения наступает улучшение»; «конфликт в Чечне не по вине народов, а по вине власти»; «беда людей объединяет»; «будут конфликты между самими чеченцами»; «в ЧР рано или поздно народы найдут общий язык»; «война завершается, восстановительный труд сближает людей»; «пока не нормализуется экономическая и политическая жизнь, не может быть улучшения межнациональных отношений».

Русские: «В условиях продолжающегося конфликта трудно что-либо предположить, все зависит от скорости улучшения обстановки в ЧР»; «друзья меня любят и уважают, но в общественных местах я чувствую ненависть и презрение чеченцев»; «улучшится материальная жизнь, изменится мировоззрение, темные силы потеряют свою силу и свет засияет в Чечне»; «для коренного изменения понадобится много времени, должна измениться к лучшему жизнь и еще нужно время»; «мне кажется, что вопросом межнациональных отношений никто серьезно не занимается».

Оценка перспективы изменений межнациональных отношений в ближайшие годы в ЧР (%), 2003

	Чеченцы	Русские	Другие национальности
Останутся без изменения	11,6	26	16
Улучшатся	32,8	18	28
Ухудшатся	6,1	7	8
Загруднились ответить	40,5	49	48

Встречающееся в комментариях респондентов суждение «требуется время на улучшение межэтнических и вообще человеческих отношений» адекватнее всего отражает реальность. В 2006-2011 гг. в основном восстановлены военные разрушения, благоустроены населенные пункты (Решиев 2013), но более медленными темпами проходит социокультурная адаптация жителей к строительству мирной жизни. На физическое оздоровление региональной общности, медикосоциальную реабилитацию, притупление гуманитарных травм, возвращение людям всеобщей жизненной радости, как показывают статистические и социологические показатели, действительно, требуется больше времени, чем на сооружение социального объекта и строительство дорог. Вместе с тем даже визуальные наблюдения и социологические данные свидетельствуют о позитивных изменениях. В республиканском сообществе часто сталкиваются с проявлениями милосердия 58,8 % опрошенных чеченцев, 29,2 % русских, 46,3 % представителей других национальностей, но и жестокость часто встречается, как полагают 31,1 % чеченцев и 37,7 % русских. В ходе социологического опроса отметили, что часто проявляют в жизни уважение, 64,5 % чеченцев, 39 % русских, 56,5 % представителей других национальностей, на полное отсутствие уважения указали только чеченцы — 1,5 % (Интенсивность ценностей проявления измерялась по субъективным оценкам респондентов с применением ранговой шкалы и переменных: очень часто, часто, редко, очень редко, нет. Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона», объем репрезентативной выборки — 1000 чел., ЦССИ, ЧР, 2009).

Интересно выделить и другие аспекты межэтнических и социальных отношений. Так, в обществе люди часто проявляют взаимопомощь, по мнению: 75,4 % чеченцев, 43,9 % русских, 81,2 % представителей других национальностей, сотрудничество: соответственно 61,5 %, 39 % и 47,8 %. Однако в социально-бытовой жизни часто наблюдается и конфликтность, по мнению 27,9 % чеченцев, 31,7 % русских и 13,3 % представителей других национальностей. В то же время общая ситуация в регионе значительно улучшилась, 16 апреля 2009 г. отменен на территории ЧР режим Контртеррористической операции (КТО). Состояние социально-политической ситуации оценивается скорее как нормальное (Социологическое исследование «Социокультурные проблемы региона», 2009, выборка 1000 чел., 2013, выборка 750 чел.) (табл. 3).

Таблица 3

Оценка состояния социальной ситуации в ЧР (%)

	2009		2013	
	Чеченцы	русские	Чеченцы	русские
Нормальная	63,7	26,8	71,5	80
Напряженная	25,7	61	16,7	8
Конфликтная	5,5	4,9	2,2	0

В недавнем экспертном опросе межнациональные отношения в ЧР оценили как спокойные, бесконфликтные — 68 %, спокойные, но напряжение ощущается — 24 %, но никто не назвал их напряженными, конфликтными.

На взгляд экспертов, положительное влияние на состояние межнациональных (межэтнических) отношений оказывает субъективный фактор, деятельность руководства ЧР, принимаемые меры по разрешению волнующих проблем. Однако масштаб проблем значителен, отрицательное воздействие оказывают объективные факторы: безработица, низкий уровень доходов, социальное расслоение, коррупция, а также ослабление семейных традиций, незнание культур народов, особенно среди молодежи. Позитивное (+) и негативное (–) влияние экономики, политики, международной ситуации на межнациональные отношения было оценено в следующем соотношении: социально-экономическое положение (+65,3 %) и (–12 %), политика (+53,8) и (–20 %), международная ситуация (+42,3 %) и (–16 %). (Экспертный опрос «Состояние межнациональных отношений в ЧР», опрошено 26 экспертов из числа научных, управленческих кадров, преподавателей, ЧР, 17.10.2014 — 8.11.2014).

Итак, в регионе постепенно происходят положительные перемены, но существуют послевоенные гуманитарные проблемы, во внутриэтническом и межэтническом общении просматривается иногда некая отчужденность, но это не выводит участников коммуникации за пределы общепринятых правил уважительного отношения друг к другу.

Заключение

Объективным основанием ценностного восприятия отношений являются потребности и интересы. Ценность отношений обостренно осознается в условиях социально-политического кризиса, когда перед этническими группами встает проблема выбора, нахождения форм и путей удовлетворения потребностей и интересов, сохранения существующих доброжелательных, добрососедских, солидарных отношений сотрудничества или готовности к разрушению этих отношений, вступления на путь конфронтации, вражды.

Отношения поддерживаются и развиваются, либо разрываются через систему ценностей. Вместе с нормами (формальные и неформальные этические, гражданские и др. правила) они служат основным механизмом регулирования социального поведения в межэтническом взаимодействии. Веер ценностей образует пространство ценностей, идеалов, определяющее типы, формы и направленность жизнедеятельности.

Во внутригосударственной региональной жизни в условиях нестабильности, кризиса, конфликта прослеживается одновременное существование, хотя и с разной степенью выраженности, сотрудничества и конфронтации, на одном этапе доминирует сотрудничество, другом конфронтация. В мирной, устойчивой обстановке сотрудничество сопровождается точечными проявлениями конфронтации, конфликтности в различных социальных сферах, но чаще в ситуативных контактах.

В исследовании в основном подтвердилась гипотеза о зависимости межэтнических (межнациональных) отношений от социальной стабильности, исторического и социокультурного опыта сосуществования, но в горизонтальном срезе, как показал конфликт в Чечне, они могут иметь относительную самостоятельность, не перерасти в конфронтацию, отношения сотрудничества и взаимопомощи могут сохраняться.

Ценностное восприятие межэтнических отношений характеризуется осознанием их значимости в обеспечении условий удовлетворения социокультурных потребностей и интересов, сосуществования разнорациональных групп в согласии. Ценности дают возможность упорядочить, структурировать отношения, определить цели взаимодействия, способствуют мотивации поступков, действий. Поэтому вполне естественно стремление ориентироваться в совместном общении на объединяющие, а не разъединяющие ценности, каковыми в регионе являются справедливость, милосердие, человечность, мир, безопасность. Эти разделяемые членами сообщества ценности в условиях войны определяли в межэтническом общении действия солидарности, сплочения, единения.

Таким образом, ценность отношений межэтнического взаимодействия состоит в понимании значимости социального, экономического, культурного обмена на основе согласия сосуществовать в духе принципов и правил сотрудничества, терпимости, уважения.

Литература

Авксентьев В.А. Этнические конфликты: история и типология, *Социологические исследования*, 1996, 12: 43–49.

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. *Этносоциология*. М.: Аспект-пресс, 1998.

Алаудинов А.А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура, *Перспективы науки*, 2014, 9(60): 134–137.

Ачкасов В.А. «Политика памяти» как инструмент строительства постсоциалистических наций, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2013, 16(4): 106–123.

Бетильмерзаева М.М. Типология смысловых связей интересубъективного взаимодействия, *Научные труды SWorld*, 2015, 14(1): 91–97.

Геллнер Э. *Нации и национализм*. М.: Прогресс, 1991.

Дробижева Л.М. *Социальные проблемы межэтнических отношений в постсоветской России*. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.

Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда*. Метод социологии. М.: Наука, 1991.

Зарубина Н.Н. Взаимное уважение в повседневной жизни россиян, *Социологические исследования*, 2014, 3: 10–18.

Зиммель Г. *Избранные работы*. М.: Ника-Центр, 2006.

Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический Проект, 2000.

Решиев С.С. Формирование и исполнение консолидированного бюджета Чеченской Республики в период 2000-2013 годов, *Финансы и кредит*, 2013, 39: 2–10.

Салгириев А.Р. Механизмы формирования политических элит в Чеченской Республике, *Глобальный научный потенциал*, 2012, 17: 82–85.

Сикевич З.В. Влияние этнического фактора на современное общество и человека, *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2011, 14(2): 41–58.

Смит Э. Д. *Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма*. Пер. с англ. М.: Праксис, 2004.

Смелзер Н. *Социология*: пер. с англ. М.: Феникс, 1998.

Сорокин П. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель, 2006.

Тишков В.А. Нация и национальная идентичность в России, *Вестник российской нации*, 2008, 1: 120–128.

Тишков В.А. *Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)*. М.: Наука, 2001.

Тощенко Ж.Т. Травма и антиномия — новые черты общественного сознания и поведения в современной России, *Социология*, 2014, 4: 45–60.

Тощенко Ж.Т. *Фантомы российского общества*. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.

Шамсуев М.Э. Информационная безопасность России на Северном Кавказе: проблемы и механизмы решения, *Центральная Азия и Кавказ*, 2012, 15(4): 108–121.

Downs A. *An Economic Theory of Democracy*. New York: Harper, 1957.

Veltri G.A. The myth of ‘Three Italies’: differences and similarities in environmental values between macro-regions, *European Societies*, 2014, 16(5): 763–793.

Coakley J. *Nationalism, ethnicity and the State*. Sage, 2012.

Cohen A. *The Symbolic Construction of Community*. London: Tavistock Publishers, 1985.

Sato Sh. Territorial disputes and national identity in postwar Germany: the Oder–Neisse line in public discourse, *European Journal of Cultural and Political Sociology*, 2014, 1(2): 158–179.

Barth F. Introduction, in: *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference*, ed. by F. Barth. Bergen / London: Universitets Forlaget, 1969.